

колонка
Сергея
Сафонова

опять двойка

ошалелые птицы летят над Арбатом

*Газета «Док»
7 мая с.г.*

На конкурсной выставке проектов памятника Булату Окуджаве, которую мне довелось видеть осенью 1999 года, был представлен тридцать один экспонат. Самый, как тогда казалось, нелепый — в виде врастающего в мостовую синего корпуса гитары без грифа, но с рогами; видимо, в честь «последнего, случайного» окуджавского троллейбуса. Внутри монстра просвечивали стулья. «Главную смысловую нагрузку берет на себя павильон «Бард-кафе», являющийся одновременно знаковой скульптурой, — писал в пояснительной записке автор с кодовым наименованием С75899. — Кафе в данном случае становится монументом, впускающим посетителей внутрь. То есть вещью притягательной, живой и организующей жизнь вокруг себя». Победил другой вариант. «Объемно-пространственная композиция, состоящая из бронзовой фигуры поэта высотой 2,5 м, бронзовой тени за спиной статуи, двух бронзовых арок и отлитого стола со скамьями», исполнена и установлена скульптором Франгуляном, скрывавшимся в дни состязания под псевдонимом B01234.

Обсуждение предложенных вариантов, случившееся под занавес той выставки, было эмоциональным. Серьезную дискуссию вызвал, например, вопрос, должен ли Окуджава-памятник идти, сливаясь с толпой пешеходов, стоять или сидеть. Кто-то ратовал за пьедестал, но в ответ раздавались гневные возгласы противников этой «недемократичной идеи». Живущий на Арбате академик Отто Шмидт высказывал осторожное сомнение в том, стоит ли устанавливать памятник рядом с двумя ресторанами и милицейским управлением, а кинорежиссер Владимир Мотыль, как оказалось, вообще «к этому памятнику не готов»... И все-таки бронзовый Окуджава вышел на Арбат. А ведь тогда не поздно еще было подумать о том, что лучшим памятником поэту может стать сам, как он теперь официально называется в противовес бывшему проспекту Калинина, Старый Арбат — приведенный в порядок, отреставрированный. Не случилось.

Не раз доводилось слышать: мол, если бы Окуджава так много и последовательно не спел об Арбате, улица, где каждый камень дышит историей отечественной культуры, не привлекла бы гибельные толпы новоиспеченных романтиков-«окупантов», в итоге почти изгнавших отсюда арбатских ветеранов, а свой романтизм поставивших на коммерческие рельсы. На самом деле тучи над Арбатом начали сгущаться еще в начале тридцатых, задолго до хрущевско-окуджавской оттепели. «Когда ходишь по московским переул-

кам и закоулкам, то получается впечатление, что эти улочки прокладывал пьяный строитель», — восклицал сталинский министр Лазарь Каганович на партийном пленуме в июне 1931 года. «Небольшие, пришедшие в ветхость дома лишены всякого архитектурного оформления. Все они будут снесены, и на месте их будут построены общественные здания не ниже шести-семи этажей, — сообщал безвестный автор книги «Новая Москва. Площади и магистрали», вышедшей в 1938-м. — Почти параллельно Арбату будет проложена разгружающая его магистраль — Новый Арбат, протяжением около 3,5 км. Эта улица шириной около 40 м, начинаясь у самой Арбатской площади, пойдет по направлению Большой Молчановки, Собачьей площадки и Кречетниковского переулка. Построенный в 1936 году семиэтажный, с десятиэтажной башней, 6-й Дом Советов на углу Новинского бульвара и Кречетниковского переулка расположен как раз в месте выхода Нового Арбата на Садовое кольцо».

Множество мемуаров описывают Арбат начала XX века. Этим названием тогда именовалась не одна улица, а целый район исторической застройки со всеми примыкавшими к Арбату переулками и проходными дворами. «Помнится прежний Арбат: Арбат прошлого; он от Смоленской аптеки восставал полосой двухэтажных домов, то высоких, то низких; у Денежного — дом Рахманова, белый, балконный, украшенный лепкой карнизов, приподнятый круглым подобием башенки: три этажа. «...» Дома — охровый, карий, оранжево-розовый, палевый, даже кисельный, — цветистая линия вдали убегающих зданий, в один, два и три этажа; эта лента домов на закате блистала оконными стеклами; конку тащила лошадка; и фура, «Шиперко», квадратная, пестрая, перевозила арбатцев на дачи...» Такой заломил улицу, «лишенную всякого архитектурного оформления», родившийся здесь писатель Андрей Белый. «Образ юности отошедшей, жизни шумной и вольной, ласковой сутолоки, любви, надежд, успехов и меланхолий, веселья и стремления — это ты, Арбат. По тебе снегом первым летят санки, и сквозь белый флер манны сыплющейся огневисто золотеют все витрины, окна разные Эйнемов, Реттере, Филипповых, и восседает «Прага», сладостный магнит», — вторил Белому его современник Борис Зайцев.

Сегодня напротив «Праги» выстроен и ждет заселения громоздкий новодел, заставляющий воспринимать соседние строения игрушечным архитектурным конструктором. По диагонали от него — торговый центр «Дворянский дом», какого здесь отродясь не бывало. Долгое время пустырь в начале улицы скрывался за забором, поговаривали даже, что здесь будет что-то вроде еще одного Дома художника — с выставочными залами, с выставками... Проект не выжил. На Арбате вообще выживает другое. Дымят хинкальные и шашлычные, между «старинными» фонарями кипит торговля шапками-ушанками и портретами советских вождей; попадаются изображения нынешнего президента. Москвичке здесь не много, а гостей российской столицы встречает грязноватая улица провинциального городка. Прав был С75899, утверждая, что только торговые точки могут на Арбате «стать монументами».

Памятник Булату Окуджаве на Арбате есть, а улицы нет. Первый бронзовый Пушкин появился в России почти через сорок лет после кончины поэта. Может, все-таки не стоило спешить?